

УДК 821.161.1-32 ГОРЬКИЙ.09

А. А. Бондаренко

**МОТИВ ТИШИНЫ И ЕГО РОЛЬ В ФОНОСФЕРЕ М. ГОРЬКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «ПО РУСИ»)**

А. А. БОНДАРЕНКО. МОТИВ ТИШИ ТА ЙОГО РОЛЬ У ФОНОСФЕРІ М. ГОРЬКОГО (НА МАТЕРІАЛІ ЦИКЛУ «ПО РУСІ»).

У статті розглядається функціонування мотиву тиші у творчості М. Горького на матеріалі циклу «По Русі». Актуальність питання пов'язана з підвищенням інтересу до постаті Горького та потребою переосмислення його творчості. Новизна обумовлена тим, що мотив тиші, як й інші елементи аудіального спектру горьківської картини світу, досі майже не досліджувався. Виявлено диференціацію понять «тиша» та «тихо» у художньому світі Горького, що проявляється у пов'язаності з темою смерті. Аналіз функцій мотиву тиші у циклі оповідань Горького є частиною дослідження особливостей аудіальної картини світу письменника, що дає змогу по-новому осмислити засади його поезики.

Ключові слова: мотив, аудіальність, фоновсфера, тиша, мовчання.

А. А. БОНДАРЕНКО. МОТИВ ТИШИНЫ И ЕГО РОЛЬ В ФОНОСФЕРЕ М. ГОРЬКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «ПО РУСИ»).

В статье рассмотрено функционирование мотива тишины в творчестве М. Горького на материале рассказов цикла «По Руси». Актуальность вопроса связана со вновь возрастающим интересом к фигуре Горького и потребностью в переосмыслении его творчества. Новизна обусловлена тем, что мотив тишины, как и другие элементы аудальной составляющей горьковской картины мира, еще практически не изучен. Исследование выявило различие понятий «тишина» и «тихо» в художественном мире Горького, что выражается в соотносении с темой смерти. Анализ функций мотива тишины в цикле рассказов Горького является частью исследования аудальной картины мира писателя и позволяет по-новому осмыслить принципы его поэтики.

Ключевые слова: мотив, аудальность, фоновсфера, тишина, молчание.

A. A. BONDARENKO. THE SILENCE MOTIF AND HIS MEANING IN THE M. GORKY'S PHONOSPHERE (ON THE MATERIAL OF THE «THROUGH RUSSIA» CYCLE).

The study demonstrates silence motive functioning in the M. Gorky creativity on the material of the cycle "Through Russia". The actuality of this study links with a growing up interest to the Gorky's figure and the necessity of rethinking of his works.

The aim of this study is to explore functional meaning of silence motive which is unexplored as most other audial elements in Gorky's prose. This study is a part of a research dedicated to the problem of acoustic side of Gorky's prose, which is numerous and various. It has a number of functions, including the plot and the composition formation.

All the main cultural constants associated with silence motif are in the Gorky's creativity. These are death, spiritual growth, moral struggles. This study also shows an occasional author's difference between "тишина" and "тихо" which is based on the Death proximity. It is interesting to point out that traditional silence (which usually matches with "тишина") doesn't have much correlation with a death motif in Gorky's prose. Instead of it this function belongs to the other kind of silence – "тихо", which is deeply matched with death in the present, in the past, in the future or even in the peoples thoughts or talks.

Silence motif also helps to form the cycle. It comes through most part of the stories, correlating with a child's birth (story "The birth of a man") in the beginning and a man's death in the end (story "A jolly chap"). A significant author's attention to the sound or a sound absence confirms the thesis about Silver age art basis in the Gorky's creativity heritage.

Key words: motif, audializm, phonosphere, silence.

© А. А. Бондаренко, 2017

<http://doi.org/10.5281/zenodo.1044308>

Феномен тишины и его воплощение в литературе неоднократно привлекали внимание исследователей. К изучению этого вопроса обращались литературоведы, лингвисты, философы и культурологи (работы М. Н. Эпштейна, Д. Б. Мухаметова, Л. Г. Невской, А. В. Зензери и др. [9; 6; 7; 3]). Особенности функционирования мотива тишины в литературе символизма обстоятельно рассмотрел А. Ханзен-Лёве. Исследователь связывает мотив тишины с мотивами молчания и смерти, отчуждения, одиночества, антимира, противостояния миру [8]. Тишина нередко сопрягается с молчанием, так как их семантические поля частично совпадают, а также противопоставляется шуму (об этом феномене рассуждал Р. М. Шефер [10]).

Ученые пишут о том, что тишина является самостоятельным феноменом, имеющим «собственную смысловую нагрузку и сферу использования» [6, с. 80]. В отличие от молчания, «тишина не имеет темы и не имеет автора, она, <...> есть состояние бытия, а не действие, производимое субъектом и относящееся к объекту» [9, с. 2]. Поэтому «тишина не содержит в себе коммуникативного намерения, она не приспособлена для выражения какого-либо смысла, важного для общения» [6, с. 80]. В русской культуре и литературе тишина часто обозначает не абсолютный звуковой вакуум, а лишь отсутствие повседневного бытового шума, что позволяет услышать какие-то другие звуки. Это соответствует первому словарному определению: «Отсутствие звуков, говора, шума; безмолвие, молчание» [5, с. 369].

Понятием фоновых звуков обозначают спектр звуков, окружающих человека, и нашедших то или иное отражение в языке [1]. Исследование тишины в данном контексте представляется особенно интересным, так как она обозначает отсутствие звуков, воспринимаемых человеком, то есть является своеобразным «минус-приемом».

Задача данной статьи — изучить функции мотива тишины в цикле Горького «По Руси», обращая внимание на контекст и типы ситуаций, выявить сюжетные закономерности, связанные с мотивом тишины в прозе писателя, определить место данного мотива в фоновой сфере цикла. Актуальность данной темы связана с возрастающим интересом к фигуре Горького и потребностью в переосмыслении его творчества. Новизна работы определяется тем, что мотив тишины, как и другие элементы аудиальной составляющей горьковской картины мира, практически не изучен. Вместе с тем подобное исследование видится чрезвычайно перспективным в свете изучения творческих и мировоззренческих констант писателя. Несмотря на то, что аудиальный аспект произведений Горького неоднократно привлекал внимание исследователей, подробной разработки эта тема не получила по сей день. Детальное исследование горьковской аудиальности позволит по-новому осмыслить поэтику писателя и его художественный метод.

В цикле «По Руси» тишина упоминается 42 раза (+ 1 раз слово «тишь») в 15 из 29 рассказов («Ледоход», «Губин», «Нилушка», «Кладбище», «На пароходе», «Женщина», «В ущелье», «Калинин», «Покойник», «Вечер у Шамова», «Книга», «Как сложили песню», «Птичий грех», «На Чангуле», «Весельчак»).

Тишине противопоставляется шум. Канадский искусствовед и философ Р. М. Шефер, предложил оригинальное определение: «Шум — это любой нежелательный звук» (перевод наш. — А. Б.) [10, с. 18]. В звуковом мире Горького тишина наступает тогда, когда уходят нежелательные, назойливые, громкие или раздражающие звуки. Это могут быть перебранки людей («Кладбище»), звуки работы («Ледоход»), бытовые звуки («Нилушка», «На пароходе», «Женщина») и др.

Тишина в рассказах Горького чаще всего связана с тяжёлым психологическим состоянием. Так, тишина оказывается злою и подстерегающей («Ледоход»), мёртвой и жуткой («Губин»), всепоглощающей («Кладбище»), плотной и странной («Женщина»), великой и усталой («Калинин»), густой, полной и глубокой («Покойник»), тяжёлой и сырой («Вечер у Шамова»), жаркой и густой («Как сложили песню»), страшной («Птичий грех»), необоримой, тугой, застывшей, ночной, восприимчивой («На Чангуле»), плотной («Весельчак»). Большая часть этих эпитетов имеет негативную эмоциональную окраску, некоторые касаются не только эмоциональной сферы (жуткая и странная), но и намечают физические характеристики: тугая, плотная, густая, тяжёлая, жаркая. Порой тишина приобретает антропоморфные черты: она злая, подстерегающая, всепоглощающая, странная и усталая. В ряде случаев тишина соотносится со смертью: «пугливо раздаётся в мёртвой тишине надорванный голос Губина» [2, с. 181]. «Проходящий» Горького (именно так писатель характеризует рассказчика [2, с. 579]) чаще

всего окружен шумом и людьми, оттого он уделяет тишине столь пристальное внимание. По этой же причине тишина предстает пугающей, страшной, жуткой: она неестественна для живого, полного звуков мира.

Состояние окружающего мира, погруженного в тишину, передается разными способами, подключающими почти все виды чувств (зрение, слух, осязание и т. д.). Автор передает сложное ощущение рассказчика, которое становится причиной или фоном для философских раздумий и поисков.

Иногда тишина не сопровождается вообще никакими эпитетами. Таких случаев 13 из 42, и они встречаются на протяжении всего цикла в рассказах «Ледоход», «Губин», «Нилушка», «Кладбище», «На пароходе», «Женщина», «В ущелье», «Калинин», «Вечер у Шамова», «Книга», «На Чангуле», «Весельчак». В этих случаях природа остаётся фоном для событий, однако в контексте всего цикла семантика мотива усложняется.

Во всех рассмотренных случаях тишина, уравненная с отсутствием шума, даёт возможность что-то слышать. Как правило, это разговоры людей, нередко даже неопознанных, часто доносящиеся издалека. Тишина используется в качестве маркера значимости, оттеняя слова, фразы, идеи, важные для автора. В рассказе «Губин» именно в тишине несколько человек спорят о сути жизни: «Спор на минуту затих, и снова, разъедавая тишину, слышен надломленный голос» [2, с. 180].

В рассказе «Кладбище» тишина мотивирована местом действия. В кладбищенской тишине герой рассуждает о праве на смерть и посмертную память, и его голос резко контрастирует с ситуацией: «Было странно видеть задор старика, слушать его крепкий басок, бодро нарушавший тишину кладбища» [2, с. 240]. Старик поучает, он уверен в своей правоте. Похожая ситуация описана в рассказе «Нилушка». Маленького мальчика, не то безумного, не то юродивого, хотят научить нужным словам, чтобы он мог приносить в дом деньги: «То и дело раздаются в тишине вечера властные вопросы, уверенно ожидающие точных ответов» [2, с. 207].

Примером гармонического соответствия звучания и тишины может служить фрагмент рассказа «Калинин», где человек, напротив, в тишине задумывается о верности своих суждений: «Звонят в тишине невысокие, легкие волны; за спиною угасает хлопотливый шум хозяйственного монастыря, светлый голос Калинина немножко погашен ночью, звучит мягче, менее уверенно» [1, с. 330]. Здесь уже появляется феномен ночной тишины – более чуткой, более проницаемой, настраивающей человека на диалог с высшими силами, способствующей возникновению вопросов.

В цикле «По Руси» описаны случаи, когда тишина становится фоном для песни. Эту песню невозможно понять, так как она звучит на чужом, неизвестном языке. Песня внезапно разрезает тишину, но не уничтожает ее. Это особенно ярко проявляется в рассказе «На Чангуле»: «Мелодия песни была неуловима, как полет ласточки; она так же нервно и слепо металась в тишине, неожиданно опускаясь до тихого стопа и тотчас взлетая высоко, звонким криком отчаяния, испуга или страсти» [2, с. 542]. Тишина приобретает пространственные характеристики (замкнутость, темнота), что усиливает драматизм ситуации. В рассказе «Весельчак» драматическое напряжение поющего оттеняется равнодушием слушателя: «Эк тебя прорвало, — дремотно сказал Баринов, перевернувшись спиной к солнцу, а перс, обняв колени руками, покачивался и выл, наполняя тишину тонким воплем» [2, с. 554]. В обоих случаях отклик рождается только в душе рассказчика.

Ночная тишина разительно отличается от тишины дневной. Тишина ночи более благожелательна к человеку («На пароходе», «В ущелье», «Калинин», «Покойник», «На Чангуле»). Ночная тишина также может быть «уставшей» и «глубокой», но это её объективные характеристики. Для человека открывается возможность проникнуть сознанием в тайны бытия, измениться. Ночная тишина заставляет героев задавать себе вопросы и искать на них ответы.

В рассказе «На пароходе» описывается ночь в переломный, предутренний момент, когда состояние природы особенно близко внутреннему состоянию человека: «Были те минуты перелома ночи, минуты крайнего напряжения её пред началом рассвета, когда вся земля кажется глубоко и надолго погруженной в непробудный сон, когда полнота тишины возбуждает в душе особенную чуткость» [2, с. 254]. Следующая картина природы — полуязыческий, полумифический гимн солнцу и его жизнедающей энергии, который рождает необыкновенное воодушевление. Именно после этого герой, чья душа не находила покоя,

решается на отчаянный поступок: бросается с парохода в реку, чтобы попасть на баржу к осужденным на каторгу дяде и брату, либо же покончить с собой.

Уникальным в своём звуковом решении является рассказ «В ущелье». Вдали от населенных мест строится небольшой посёлок. Человек только начинает осваиваться здесь, поэтому естественность, первозданность природы еще сохраняется. В этом рассказе тишина светлая (единственный пример в цикле) и вознесённая к небу, связанная с трансцендентным: «Если смотреть в его (ущелья. — А. Б.) глубину, оно, суживаясь, поднимается всё выше в сизый туман; туман, густея, закрывает его синим занавесом, а ещё выше, под самым небом, тоже синим, тает-плавится на невидимом солнце ледяная вершина Карадага, а над нею — светлая, непоколебимая тишина небес» [2, с. 297]. Соприкоснувшись с этой тишиной, человек духовно пробуждается: «волнует душу незнакомое ещё беспокойство, что-то неясное тревожит сердце, горит в нём пьяным пламенем, будит непонятные мысли и куда-то зовёт» [2, с. 297].

Ночная тишина в рассказе «Калинин» также будто очищает душу от всего лишнего, настраивая её на возвышенный лад, освобождая от каждодневных забот и хлопот: «За оградой великая тишина осенней ночи — усталая тишина земли, истощённой летом. Сладко пахнет увядшими травами и ещё чем-то осенним, возбуждающим бодрость. Черные деревья висят в тёплом и влажном воздухе, точно обрывки туч. Во тьме чуть слышно вздыхает, ластится к берегу полусонное море...» [2, с. 329]. Люди, которые ощущают это состояние природы, не связаны друг с другом, но испытывают сходные чувства — ими овладевает грусть существования и жажда жизни: «Знаете что, господа? — как-то нарочито громко говорит красивый голос. — Смотрю я на всю эту красоту, дышу тишиной и думаю: а что, если бросить всё, ко всем чертям, и — жить...» [2, с. 331]. Сам Калинин, который днем уверен во всём, что он думает и говорит, с наступлением ночи становится задумчивым и сомневающимся в собственной правоте.

Ночная тишина доброжелательнее дневной. Она лишена давящего и уничтожающего ощущения и, напротив, направлена на гармонизацию общего состояния человека. Тишина ночи служит камертоном, позволяющим синхронизироваться с вселенной, задуматься о высшей гармонии, о вечных вопросах сущности бытия, поднимающим героя над бытом.

В большинстве случаев тишина у Горького обозначает именно состояние окружающего мира. Наряду с этим писатель использует и синонимическую характеристику «тихо». Семантическое различие этих понятий у Горького определяется степенью близости смерти. Традиционно мотивы тишины и смерти тесно взаимосвязаны [7], однако для Горького «тихо» оказывается гораздо ближе к смерти, нежели «тишина». В данном цикле тихо почти всегда рядом со смертью, с покойником. Тишина такой строгой зависимости не имеет, хотя также может соотноситься с мертвенностью, неживым состоянием. Чаще всего тишина, преимущественно ночная, создаёт фон, естественный для раздумий души, бесед с богом.

В качестве наречия, которое описывает состояние мира, слово «тихо» вбирает в себя все основные черты тишины, однако локализует и усугубляет их. «Тихо» встречается в цикле 15 раз, в 12 из них сопровождая смерть. Это может быть смерть конкретного человека, случившаяся или грядущая, или размышления о смерти («На пароходе», «Ералаш», «Зрители» и др.).

В рассказе «Тимка» герои, вошедшие в полутёмную комнату, где «было тихо», узнают о том, что их сосед покончил с собой. «Тихо, точно после великого несчастья, тихо и пусто» [2, с. 550], — так описывает рассказчик состояние природы в «Весельчаке», где тоже будет совершено убийство. Философское размышление в рассказе «Нилушка» («судьба наша ленивая, идёт она тихо, — тихо идёт, а перегнуть нельзя!»), хотя и характеризует поступок абстрактной судьбы, но также связывается с судьбой главного героя — мальчика Нилушки, умершего в финале [2, с. 211].

В рассказе «Книга» тихая жизнь отождествляется со сном: «Подует ветер, осыплет станцию мелким горячим песком, принесет печальное клохтанье дрофы, свист грызунов, — и снова тихо, и жизнь кажется бесконечным сном» [2, с. 428]. Этот бесконечный сон равнозначен смерти. Именно таким, безжизненным, выглядит пустое и однообразное существование на удалённой станции где-то в русской глубинке. В рассказе «Тимка» тишина характеризует реакцию слушателей на пение главного героя. Дом, в котором живет Тимка, «мёртвый», а сам Тимка — живой. Одна из сцен, где жители собираются послушать певца, — яркий тому пример: «Молчи, — советует дьякон, и все слушают безмолвно, неподвижно. <...> Тихо» [2,

с. 486]. Хромой юноша преображается и «поет удивительно легко, точно жаворонок» [2, с. 486], эта песня как раз и олицетворяет жизнь на фоне мёртвой тишины. К слову, этот певец в финале тоже гибнет.

Таким образом, в творчестве Горького нашли отражение основные культурные константы, связанные с мотивом тишины. Тишина предстает как особое состояние бытия, которое подразумевает и близость смерти, и открытость трансцендентному, и возможность внутренней сосредоточенности, необходимой для духовного возрождения и развития человека.

Мотив тишины занимает важное место в насыщенной разнообразными звуками фоносфере писателя, интерпретируясь либо как исчезновение звука, либо как предпосылка его возникновения. Тишина оказывает сильное эмоциональное (порой переходящее в физическое) воздействие на героев и может быть наделена антропоморфными чертами. Тишина оттеняет действия и слова, побуждает расставить необходимые акценты и выделить основные проблемы. Особую роль играет ночная тишина, формирующая особенное, философско-возвышенное состояние, которое, с одной стороны, способно привести в жизнь гармоническое равновесие, а с другой — связано с вечными поисками гармонии.

В цикле Горького можно провести разграничение синонимических характеристик «тишина» и «тихо». Они различаются степенью близости к сакрально-возвышенному состоянию и к миру мёртвых. Горьковская тишина чаще всего лишена ассоциаций со смертью и имеет ряд позитивных значений. «Тихо» коррелирует со смертью, которая относится либо к прошлому («Кладбище»), либо к настоящему («Покойник»), либо к будущему («Тимка»), или же присутствует в философских размышлениях героев («Ералаш»).

В рамках цикла тишина служит сквозным мотивом, объединяющим большую часть рассказов. Цикл открывается рассказом «Рождение человека», где тишина не упоминается, а наиболее ярким звуком является крик новорожденного. Завершает цикл рассказ «Весельчак», где совершается убийство и присутствует интересующий нас мотив. Параллельно с движением от рождения к смерти в цикле намечается динамика от звука к тишине, что усиливает связь мотива тишины и мотива смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вершинина М. Г. Фоносемантическая звуковая картина мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://liconism.ru/laboratoriya-dictionaries/terminologicheskaya-laboratoriya/610-fonosemanticheskaya-zvukovaya-kartina-mira.html>.
2. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 14: «По Руси». Акад. наук СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1972. 631 с.
3. Зензерея И. В. Парадигматика текстового поля «тишина» в повести В. Короленко «Слепой музыкант» // Пушкинские чтения – 2011. «Живые» традиции в русской литературе: жанр, автор, герой, текст: материалы XVI Междунар. науч. конф.; [под общей ред. В. Н. Скворцова]. СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина. 2010. С. 339–345.
4. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 294 с.
5. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: С–Я / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1984. Т. 4. 792 с.
6. Мухаметов Д. Б. Молчание как компонент русской культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология. 2012. № 5(3). С. 77–82.
7. Невская Л. Г. Молчание как атрибут смерти // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 1999. С. 149–178.
8. Ханзен-Лёве А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. С. Бромерло, А. Ц. Масевича и А. Е. Барзаха; науч. ред. А. В. Лавров. СПб.: Академический проект, 1999. 507 с.
9. Эпштейн М. Н. Слово и молчание в русской культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Epstein_Slovo_molchanie.pdf.
10. Schafer R. M. The New Soundscape. A Handbook for the Modern Music Teacher. Vienna: Universal Edition, 1969. 67 с.

(Статья поступила в редакцию 15 октября 2017г.)